Космические каникулы 2185 год

Еремин Антон

литературный конкурс

Проект особого значения

6+

Антон Ерёмин

Космические каникулы 2185 год

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67703028
SelfPub; 2022

Аннотация

Небольшой рассказ, на страницах которого я попытался заглянуть в будущее и на примере маленького мальчика, путешествующего со своим отцом и его экипажем по Солнечной системе, представил – каким оно может быть. Но каким бы прекрасным ни было будущее, его истоки кроются в сегодняшних днях. Ведь именно сегодня создается то, что кажется нам фантастическим и что будет обыденностью для наших потомков. Благодаря ученым, мыслителям, гениям и таким компаниям как "Заслон", которые могут видеть на годы вперед и создается завтра уже сегодня…

Антон Ерёмин Космические каникулы 2185 год

– Милый, вставай, уже пора. Просыпайся. – Голос матери был как всегда нежен, но настойчив. – Ты же помнишь, что сегодня за день?

Я нехотя открыл один глаз. Лицо мамы сияло улыбкой, а вот в глазах были заметны нотки грусти.

– Еще пол часика можно? – Взмолился я и накрылся одеялом с головой.

– Если хочешь, можешь проспать весь день, но отец ждать не будет.

Мать встала и вышла из моей спальни. Услышав про отца, я тут же подскочил с кровати и мигом понесся в ванную. Я окатил себя холодной водой и сон улетучился. Вытерев лицо и выдавив пасту на щетку, я посмотрел в зеркало. На меня смотрел обычный мальчишка двенадцати лет, но только вот это был самый счастливый мальчишка во всей солнечной системе. Сегодня я отправлюсь в космос, но не просто на орбиту, этим сейчас никого не удивишь, а на Марс. Мой отец – капитан межпланетного космолета и сегодня он возьмет меня с собой в космическое путешествие.

Почистив зубы, я помчался вниз в столовую. Мы жили в

двухъярусной квартире в центре Ставрополя. Квартира располагалась на последнем тридцатом этаже дома. На втором этаже было три спальни, ванная и терраса. Терраса была моим любимым местом в квартире. Отец установил на ней телескоп, и я часами напролет любовался звездами и орбитальным городом, который опоясывал всю планету. Еще на ней была беседка с мангалом и небольшой бассейн. На первом этаже была гостиная, кухня со столовой, прачечная и кабинет матери. Из кухни доносился приятный аромат свежесваренного кофе и только что испеченных бабушкиных блинов. Но в своей тарелке я увидел сваренные на пару овощи.

– Кушай, внучек. – Бабушка погладила меня по голове. – В космосе свежей еды нет.

Я вопросительно посмотрел на отца и тот согласно кивнул. Делать нечего и я накинулся на брокколи, морковь и стручковую фасоль. Только когда все овощи переместились из тарелки в мой живот, меня допустили до блинов со сгущенкой. Плотно позавтракав, я откинулся на стуле и закрыл от удовольствия глаза.

– Милый! – Донесся до меня голос матери. – Смотри, что я тебе принесла.

Я открыл глаза и посмотрел на мать. В руках она держала костюм пилота космолета. Настоящий. Красный с черными вставками, с моим именем на груди и вымпелом отцовского корабля. Я выхватил костюм и чмокнув ее в щечку, побежал в свою комнату. Упав вместе с ним на кровать, я закрыл глаза

и с неописуемым удовольствием вспомнил прошлый день…

***

Сразу после школы я поспешил к матери, которая работала в Институте Проблем Космонавтики имени Трубецкого старшим научным сотрудником. Этот институт, как и многие другие связанные с пилотируемой космонавтикой, был частью корпорации «Заслон». Эта корпорация, начинавшая с небольшого акционерного общества, была пионером межпланетных полетов. Когда-то давным-давно еще в прошлом веке эта небольшая компания смогла сделать то, чего не смогли остальные. Она смогла найти таких людей, мысли которых перевернули весь мир с ног на голову. Она не просто нашла их, но и позволила их мыслям реализоваться.

Я подошел к высокому и очень красивому зданию в центре города, которое окружал живописный парк вечнозеленых елей. Перед входом находился фонтан, над которым красовался логотип «Заслона». Сейчас этот символ знают во всем мире, ведь благодаря именно ему люди смогли колонизировать Марс и готовятся к терраформированию Венеры, а про орбиту Земли, на которой уже построен настоящий город, я просто промолчу.

Как я уже говорил, моя мать работала в этом институте старшим научным сотрудником, а отец служит пилотом межпланетного корабля. Поэтому немудрено что именно в этом

институте они и познакомились, когда отец обучался в нем на факультете пилотирования.

Вахтер на входе меня хорошо знал, широко улыбнувшись и отдав мне честь, он сразу же пропустил меня внутрь. Сразу за раздвижными дверями начинался длинный холл, ведущим к лифтам. Вдоль всего этого зала располагалось то, чем гордилось все человечество и к чему приложила руку «Заслон». Конечно же первым был макет космодрома «Калмыцкая праща», с которого завтра я и полечу на орбиту. За ним были макеты челноков, первых орбитальных домов, костюмы космонавтов и космических туристов, макеты межпланетных кораблей и многое другое.

Те, кто попадает сюда впервые, не могут оторваться от этого импровизированного музея часами, но так как я тут завсегдатай, то удивить меня здесь ничего не могло. Быстро пробежав зал, я вошел в лифт и поднялся на нем на десятый этаж. Весь этот этаж занимали лаборатории корпорации «Заслон», в которых трудились сотни таких же энтузиастов своего дела, как и моя мать. Выйдя из него, я повернул направо, прошел по длинному коридору, свернул налево, опять коридор и новый поворот. Весь этаж был похож на настоящий лабиринт, но я точно знал куда идти.

Я шел в лабораторию, которую возглавляла моя крестная мама – тетя Нина. Она была профессором и занималась разработкой космической одежды, эдакий кутюрье для космонавтов. Двери разъехались, и я увидел моих мам, сидящих

рядом и смотрящих в монитор компьютера.

– Ромочка. Привет, мой мальчик. – Тетя Нина поцеловала меня в щеку и внимательно меня осмотрела. – А ты поправился.

– Бабушка у нас уже месяц гостит. – Смущенно улыбнулся я.

– Это не страшно. В космосе похудеешь. – Тетя Нина подмигнула мне и проводила к сканеру. – Раздевайся и становись в круг.

Она вышла и закрыла за собой дверь. Я разделся и встал в указанное ею место. С потолка опустились два сканера и круг начал вращаться. Всего два оборота и все было закончено. Я оделся и вернулся в кабинет крестной. Мать уже сидела на тахте и попивала свой любимый Латте, а тетя что-то печатала на компьютере. Я заглянул за ее плечо. На экране вращался скан моего тела, облаченный в космический костюм.

– Не сюда. Вон, туда смотри.

Тетя показала пальцем на круглое окно недалеко от матери. Я подбежал к нему и встав на цыпочки, посмотрел в него. За ним работал принтер, жужжали механизмы и мерцал стробоскоп. Четыре ловкие манипулятора печатали мой костюм, используя одновременно разные материалы. Они свивали сразу все четыре его слоя, петелька за петелькой, шарнир за шарниром. Еще три не менее ловкие железные руки вставляли в него датчики, электроды и микрочипы.

Раньше на подобное уходило пару месяцев, а теперь всего несколько часов.

Этот костюм был настоящим произведением искусства. Фактически это было четыре костюма одетые один в другой. Первый – заполнялся специальным гелем и полностью поглощал перегрузки при выходе за пределы атмосферы. Второй – был напичкан датчиками биометрии и в случае чего мог нашпиговать своего носителя нужными лекарствами. Третий – следил за теплообменом, именно благодаря ему в костюме всегда было сухо и комфортно. Ну а четвертый – поглощал всю космическую радиацию.

Прямо на моих глазах рождался костюм, предназначенный именно для меня. Он содержал мой генный код, был идеально подогнан по моей фигуре и росту и более того, он мог расти вместе со мной, поэтому я смогу использовать его не единожды, а на протяжении нескольких лет.

– Беги домой. – Крестная подошла ко мне сзади и поцеловала в макушку. – Костюм будет готов к вечеру. Его заберет твоя мама.

Моему счастью не было предела. Обернувшись, я чмокнул крестную, затем маму и переполненный эмоциями побежал домой…

***

И это все происходило только вчера, а сегодня я уже одет

в него. Костюм сидел идеально, я абсолютно не чувствовал его на себе и только теперь понял фразу отца, что костюм – это вторая кожа космонавта. И это был не обычный космический костюм, которые носят туристы. В нем были встроены воздуходувы, с помощью которых я мог исполнять в невесомости фигуры высшего пилотажа, а не барахтаться как рыба, выброшенная на берег. В нем так же был электронный гироскоп и бортовой компьютер. Отец уже заложил в него карту орбитального космодрома «Диана», погрузочного дока и его корабля. Одна команда и костюм отнесет меня туда, куда нужно, так что заблудиться в нем было просто невозможно.

В комнату вошел отец. Он тоже был одет в такой же костюм, его лицо сияло лучезарной улыбкой, а на глазах проступили слезы радости, которые он как ни пытался, а скрыть от меня не смог.

– Ну как? Ты готов?

– Да, пап. Можно ехать. – Не удержавшись, я бросился ему на шею, и он крепко обнял меня. – Я так тебя люблю. Спасибо тебе огромное.

– Я тоже тебя люблю, сынок. – Папа поцеловал меня в макушку и нежно погладил по спине. – Ну все. Пойдем. Нам нельзя опаздывать.

Спустившись вниз, я попрощался с мамой и бабушкой. Даже пустил небольшую слезу, хотя пытался держаться молодцом. Отец не любил подобные проводы, поэтому быстренько сгреб меня в охапку и вынес из квартиры. На лифте

мы спустились в подземный гараж, где нас ждал наш старенький аэромобиль. Нет, мы могли позволить себе новый и он у нас даже был, только на нем летала мать. Аэромобиль отца большую часть времени простаивал на парковке космопорта «Калмыцкая праща» и поэтому отец не спешил его менять.

Я сел на правое сиденье и пристегнулся. Отец нажал кнопку старта и машинка, немного задрожав, поднялась в воздух. Турбины плавно и почти неслышно загудели, колеса подтянулись к днищу, и мы полетели в космопорт. Еще в гараже отец включил автопилот и расслабившись начал читать свежую газету. Меня тоже мало интересовали пейзажи за окном, и я погрузился в игру на коммуникаторе.

А за окном было на что посмотреть, но так как я это все уже видел, то всю дорогу не отрывался от любимой игры. И пока я играл, за окном возвышался космопорт «Калмыцкая праща», ну не сам космопорт, а его исполинская труба, завернутая в спираль. Она была в диаметре несколько десятков метров и раскинулась по всей территории Калмыкии. Подобно гигантской змее она, свернувшись в несколько колец, упиралась в колоссальную башню в центре, которая являлась самым высоким зданием на Земле. В трубе, при помощи электромагнитов, разгоняли челноки до первой космической скорости, а затем выстреливали ими из башни.

Вся конструкция разгонной трубы была очень похожа на адронный коллайдер, только вместо фотонов по ней гоняли челноки с людьми и грузами для орбиты. В ней был полный

вакуум, и чтобы атмосфера Земли после вылета из трубы не расплющила их, над башней всегда вращалось геомагнитное торнадо. Внутри этого геошторма из-за сильного магнитного поля тоже был практически вакуум, поэтому выходу на орбиту челнокам ничто не угрожало.

Этот космопорт, всю эту технологию, позволившую человечеству сделать первый шаг к освоению космоса, придумал ученый Трубецкой Валентин Иванович. Сейчас его имя знает каждый школьник в каждой стране мира, но сто лет назад, когда он оббивал пороги учреждений и компаний, в него никто не верил, никто кроме руководства компании «Заслон». Они смогли разглядеть в нем гения и как вы понимаете не пожалели об этом.

Через несколько часов мы прилетели в космопорт. Машинка опустилась на колеса и дальше мы уже ехали по асфальту. Служебные ворота находились с обратной стороны от главного терминала и тут я уже отложил игру и уставился в окно. Здесь для меня все было ново. Я уже летал в космос и не раз, но в служебной части космопорта еще ни разу не был.

Аэромобиль остановился на парковке, прямо на именном месте, здесь у каждого пилота были именные места. Порядок был во всем. Оставив машинку, мы вошли в служебный вход. Посторонних здесь не должно было быть, но я им и не был. На моей груди гордо красовался бейдж стажера-пилота, и я шел, задрав свой нос высоко-высоко. Строгий охранник в военной форме поднес ко мне сканер и отсканиро-

вал бейдж. Я побледнел и напрягся. А вдруг не прокатит? Все мало-мальски знающие космонавтику знали, что стажером-пилотом могли быть только слушатели третьего курса академии пилотов, а значит они не могли быть младше двадцати лет. Но мой отец был капитаном и не просто капитаном, а капитаном межпланетного корабля с гравитационным двигателем системы «АРКА». У таких как он был непререкаемый авторитет, таким позволялись определенные привилегии, которыми они иногда и пользовались. Охранник, насупив брови, долго всматривался в монитор сканера. Мое сердце ушло в пятки, но это была лишь игра. Выдержав гроссмейстерскую паузу, он широко улыбнулся и отдал мне честь.

– Добро пожаловать в космопорт, стажер-пилот Роман Еремин.

Я улыбнулся и тоже отдал ему честь, за что сразу получил подзатыльник от отца.

– К непокрытой голове руку не прикладывают. – Буркнул он и нацепил на меня фирменную кепку. – Вот теперь можно.

Я вновь приложил ладонь к виску и сделал максимально серьезное выражение лица. Охранник рассмеялся и протянул мне руку для рукопожатия. Пожав ее, я поспешил за отцом. По узким, длинным коридорам и лестницам мы поднялись в святая святых космопорта – предполетную комнату. В ней уже сидел весь экипаж отца.

В экипаже помимо отца и конечно же меня было еще четыре человека. Они летали вместе уже очень давно и хорошо

друг друга знали. Мы вообще дружили семьями, так что я тоже знал их, а они знали меня. У них тоже были дети, но я был самым старшим ребенком экипажа и поэтому именно мне выпала честь первым полететь в космос на их корабле, который носил гордое имя – «Велес».

Вторым пилотом и по совместительству старпомом был Алекс Фрай. Штурманом и навигатором «АРКА» был Алексей, или просто Михалыч, он был самым старшим членом экипажа, поэтому все и называли его только по отчеству. Вторым по возрасту, к слову сказать, был мой отец. Третьей была оператор связи Мадлена и наконец бортинженер Клаус. Все они жили в нашем доме в Ставрополе, так было у всех экипажей всех звездолетов, а почему не знаю.

Доктрину Трубецкого, гласящую, что главным языком в космосе является русский, соблюдали до сих пор, поэтому говорили здесь только по-русски. Экипаж, увидев своего капитана, встал и поприветствовал его. Меня посадили во второй ряд и как только я умостился на стуле, в комнату вошел начальник полетов.

– Экипаж «Велеса», доброе утро. – Начал, раскладывая бумаги на столе, пухленький дядя в круглых очках. – Полет у вас обычный. На Марс вы везете воздух и воду, медикаменты и продовольствие. Обратно тоже ничего нового – золото, платина, палладий. В общем все, как всегда.

Только закончив доклад, дядька поднял глаза и увидев меня, перевел взгляд на отца.

– А это еще кто такой?

– Прошу прощения. – Ответил ему отец. – Это стажер-пилот Роман Еремин.

Я встал со стула, отдал честь и склонив голову, виновато посмотрел на начальника полетов.

– Приветствую вас в экипаже «Велеса», стажер-пилот. – Оценивающе осматривая меня, пробормотал начальник. – Это мой лучший экипаж, Роман. «Велес» – это не просто корабль, это корабль легенда. Он первый корабль в своем классе, первый, который начал летать на «АРКА». Вы должны понимать всю ответственность и ту честь, которую вам оказали.

– Понимаю, господин начальник полетов. – Подняв голову, протараторил я. – Разрешите подняться на борт.

– Разрешаю, стажер-пилот. – Дядька улыбнулся и показал мне большой палец. – Ваш шаттл уже готов. «Велес» загружен и заправлен. Удачи вам и скорого возвращения.

Экипаж встал, и начальник вышел из комнаты.

Через десять минут мы уже находились внутри шаттла. Отец надел на меня гермошлем и пристегнул к креслу. Даже шаттл для пилотов межпланетных кораблей отличался от обычных, которыми пользовались туристы и прочие посетители орбиты. В нем было всего десять кресел, а не тридцать как в остальных. Они были больше и гораздо комфортней. Что-то тихонько загудело, я толком ничего не успел понять, а пилот челнока уже раскрыл иллюминаторы…

Я уже видел Землю из космоса, но к этому зрелищу нельзя привыкнуть. Она пленяла своей красотой и неописуемой грацией. Огромный голубой шар парящий в бесконечной пустоте. Ее красота неописуема и аж дух захватывает, когда ты смотришь на нее и видишь на ее прекрасном теле города, в которых ты бывал, океаны, в которых ты плавал, горы, которые ты покорял. В общем словами это передать невозможно, это нужно видеть и это нужно прочувствовать.

Шаттл сделал разворот и теперь моему взору открылся настоящий орбитальный город, у которого кстати так до сих пор и нет названия. Ровные ряды станций, вращающихся в строгом удалении друг от друга, ни на йоту не сходящие со своей орбиты. Ведь если хоть одно из этих строений изменит свой курс, то это может повлечь за собой глобальную катастрофу с непредсказуемыми последствиями. Вы только представьте, что на огромной скорости в несколько десятков рядов вращаются тысячи очень хрупких конструкций. А ведь здесь есть и дома, в которых живут люди и школы и больницы. А сколько здесь складов и фабрик? Практически все производство, которое губит экологию уже давно перенесли на орбиту. Поэтому за порядком на орбите следили очень тщательно.

А в местных больницах при помощи невесомости и биомассы академика Штольца лечат такие болезни, которые ранее считались неизлечимыми. Как оказалось, на орбите в невесомости можно было вылечить любую болезнь. Челове-

ка помещали в ванну, которую заполняли биомассой Штольца. Она проникала в легкие человека, и он начинал дышать ею. Что бы избежать шока от заполнения жидкостью легких, пациентов вводили в искусственную кому. Насыщенная кислородом биомасса через легкие проникала в кровь, а по ней растекалась по всему организму. Ее чудодейственные свойства были способны исцелить любые болезни. Гастрит, бронхит, язва остались в прошлом. Цирроз печени, болезни кровеносной системы больше не досаждали человечеству. Что говорить о них, если она побеждала даже рак и ДЦП. После трех-четырех сеансов человек забывал о раке даже самой сложной формы навсегда. В ванне человек проводил до семи дней. Затем ему устраивали полное переливание крови. Биомасса в земных условиях была губительна для человека, а вот в невесомости спасала жизни миллионам. Легкие проветривали через ИВЛ, а кровь перекачивали через фильтр и полностью очищали от биомассы. Стоит ли говорить, что двери в большую науку для Штольца, так же, как и для Трубецкого открыла все та же компания – «Заслон».

Немного повиляв по невидимым улицам орбитального города, мы пристыковались к космопорту «Диана», названному так в честь младшей сестры Трубецкого. Опять же, не к главным терминалам, а к служебным докам. Нас встретил дежурный офицер и сопроводил к следующему шаттлу. Второй шаттл был меньше первого и уже не был таким комфортным. Он мог летать только по орбите, поэтому у него не было ра-

кетных двигателей, а только воздуходувы. Здесь таких было много, их использовали как такси, а для того что бы не расточать такой ценный здесь насыщенный кислородом воздух, их заправляли угарным и прочими газами. На нем мы полетели на другую сторону планеты.

Стартовый комплекс имени Королева встречал нас ощетинившись межпланетными кораблями. Раньше подобные корабли запускали с электромагнитной пусковой установки, но «Велесу» такая была не нужна. Все дело заключалось в «АРКА». Этот гравитационный двигатель произвел настоящую революцию в космонавтике, но об этом чуть позже. В шлюзе стартового комплекса нас встретил очередной дежурный офицер, а вернее офицерша.

– Ууу, какой миленький. – Потрепала она меня за щеки и повернув голову влево, внимательно посмотрела на шею. – Еще не посвященный. Поздравляю с первым полетом, стажер-пилот.

Я стесненно улыбнулся и поспешил за отцом, не забыв отдать честь и этой даме.

– Пап. Посвящение, это что такое?

– Рано тебе о посвящении думать. – Буркнул отец. Он плавно летел на автопилоте, заложив руки за голову. – Это для настоящих стажер-пилотов.

– Так я и есть настоящий. – Не унимался я, пытаясь догнать отца.

Я уже почти настиг его, как вдруг он резко затормозил, и

я врезался в него на полном ходу. От удара он отлетел и врезался в Михалыча, тот в Клауса и так далее, пока костюмы при помощи гироскопов не остановили этот эффект домино.

– Эх ты. А еще говоришь, что настоящий – Замотал отец головой, но увидев мой испуганный взгляд, улыбнулся. – Лети сюда и смотри.

Я подлетел к отцу, и он поднес меня к иллюминатору. За ним красовался «Велес». Он был огромен. Для космических кораблей, не мудрствуя лукаво применяли классификацию морских судов. «Велес» был грузовым кораблем водоизмещением триста тысяч тонн. Это как супертанкер. Почти весь объем занимали трюмы, сверху ближе к носу сиротливо прижался к его огромному брюху центр управления. Это был самодостаточный космический корабль. В случае аварии он мог отстыковаться и тем самым спасти весь экипаж. В нем было все необходимое для жизни – запасы воды, еды и воздуха, а другого в космосе и не нужно. Именно из него и велось управление всем кораблем. В нем были каюты экипажа и капитанская рубка, гальюн и камбуз, а также комната отдыха. Все время в пути экипаж проводил в нем и покидал его только при острой необходимости.

От центра управления начинался гравитационный двигатель системы «АРКА». Сейчас он был сложен, но даже в таком виде внушал уважение. Он тянулся по всему Велесу от носа до кормы. Я слышал, что в разложенном виде он был похож на мачты парусников, но без парусов. У «Велеса» бы-

ло три таких мачты. Привычных ракетных двигателей у «Велеса» не было, только маневровые газогенераторы и таких, чтобы сдвинуть такую махину, у него было больше сотни. С их помощью он состыковывался с доками и маневрировал на орбите, а основной полет он совершал на «АРКА».

– Очуметь. – Протянул я и опять получил подзатыльник по гермошлему.

– Молодой человек, в экипаже капитана Георгия Еремина не выражаются.

– Есть не выражаться, второй пилот Алекс Фрай. – отрапортовал я, глядя на грозившего мне пальцем Фрая. – Готов понести наказание.

– На первый раз прощаю, стажер-пилот. – Улыбнулся Алекс. – Но следующий раз, будешь драить гальюн всю дорогу до Марса.

Экипаж хором рассмеялся, и мы полетели дальше. У последнего шлюза нас ожидала целая делегация. Отец подписал кучу бумаг о грузе и маршруте, проверил комплектность документации и сверил опись экипажа корабля. Напоследок они выстроились напротив нас и отдали честь. Мы ответили им тем же и залетели в шлюз.

Как только мы влетели в корабль, дверь шлюза закрылась и засияло табло, сигнализирующее что корабль готов к отстыковке. Экипаж и я вместе с ними начали занимать свои места на капитанском мостике. Отец сидел в центре вместе со вторым пилотом. Его модуль управления возвышался над

остальными так, что он мог видеть каждого из своих подчиненных. Справа от пилотов сидел Михалыч, места Мадлены и Клауса были слева. Меня же посадили впереди, прямо у огромного окна, за которым сияли звезды. Я не мог усидеть от волнения. Сейчас я увижу космос. Я полечу к Марсу. Я буквально извелся от ожидания, а прошло-то всего две минуты. Раздался щелчок отстыковки, и работа экипажа началась.

– Доложить по постам. – Спокойным и размеренным голосом начал командовать отец.

– Первый пост, норма.

– Второй пост, норма.

– Третий пост, норма.

– Доложить о готовности. – Отец отдавал команды быстро и четко. Он не уточнял кому они адресованы, все знали свои обязанности от и до. – АРКА?

– Норм.

– Маневровые?

– Норм.

– Проверка всех систем охлаждения.

– Норм.

– Состояние груза?

Норм.

Я мог только умиляться слаженности работы экипажа. Они так много совершили совместных полетов, что понимали друг друга с полу слова. На первый взгляд в кабине

царила суета, но эта суета была гармоничной и абсолютно подконтрольной. Каждый четко знал, что делать и как отвечать. Тумблеры щелкали один за другим, лампочки на панелях приборов то загорались, то гасли, а отец все продолжал и продолжал отдавать команды.

– Отстыковка.

– Есть отстыковка.

– Проверка связи.

– Норм. Связь установлена.

– Доложить о полете.

– Полет норм.

И тут меня как обухом огрели. Как полет норм? Мы что, уже летим? Я смотрел в окно не моргая, но в нем ничего не происходило. Но как же так? Я перевел взгляд на монитор, установленный рядом с моим креслом. На нем в левом нижнем углу светилась земля и треугольник, обозначающий наш корабль стремительно от нее удалялся. Я обернулся на отца.

– А ты что хотел? Что бы у тебя деревья за окном мелькали?

– Что бы чему-то мелькать. – Продолжил за отца Михалыч. – Это что-то, должно быть. А в космосе ничего нет. Пустота мелькать не может.

Я разочарованно плюхнулся в кресло. Я хотел вести настоящий блог. Мой костюм все снимал и записывал. Но что я покажу друзьям? Неподвижные звезды под шум беспристрастных команд отца?

– Лети сюда. – Поманил меня Михалыч. – У меня тут веселее.

Я посмотрел на отца.

– Разрешаю перемещение, стажер. – Безучастно произнес отец и продолжил отдавать команды.

Я отстегнулся и перелетел к Михалычу и тот сразу же пристегнул меня на соседнее кресло.

– Сейчас мы летим на «АРКА». Ты знаешь, что такое «АРКА»?

– Конечно. Это гравитационный двигатель. – Гордо задрав нос, ответил я.

– Ну-ну. – Хитро улыбнувшись, прошепелявил Михалыч. – Давай дальше.

– А что дальше? – Удивился я и пожал плечами. – Все.

– Тогда слушай. «АРКА» придумали четыре молодых инженера. Они, кстати, тогда учились в том же институте, в котором тебе напечатали этот костюм. Все они были студентами одной группы и совместно работали над одним проектом. Тема их диплома была суперантенна, способная передавать данные в самые удаленные уголки солнечной системы. Вот ее-то они и создавали. Звали их Алиев, Румянцев, Кан и Андерсон. Отсюда и «АРКА». Смекаешь? – Михалыч подмигнул мне и только теперь я понял, что это была аббревиатура. До этого мы думали, что так его назвали, потому что он просто похож на арку. – Слушай дальше. К концу пятого курса они построили свою антенну и отправили ее на орбиту. Ан-

тенну поставили на платформу и подготовили к тестам. Но как только ее запустили, платформа сорвалась с места и как сумасшедшая понеслась прочь от Земли. Благо на ней в тот момент никого не было…

Я слушал Михалыча и вспоминал уроки истории космонавтики. Нам рассказывали эту историю, но мы думали, что это всего лишь красивая сказка и не более того, а как в итоге оказалось это была чистейшая правда. Платформа тогда улетела в неизвестность и до сих пор никто не знает где она. Поговаривают, что она уже давным-давно покинула солнечную систему…

– Ребята впали в шок. Во-первых, антенна стоила кучу денег и теперь они должны были их возместить, а во-вторых, они понятия не имели, что произошло. Антенна продолжала передавать сигналы еще очень долго. Создатели «АРКА» обрабатывали их и перепроверяли свои чертежи и то, что открылось им тогда, изменило весь мир.

– Они открыли гравитационные поля?

– Да, мой мальчик. Вернее, про гравитацию знали уже давно, но антенна «АРКА» все изменила. Она смогла настраиваться на гравитационные волны и плыть по ним, как корабли плывут, повинуясь ветру. «АРКА», расходуя минимум энергии, разгонялась до пятой космической скорости за несколько минут. Вот гляди сюда. – Михалыч повернул ко мне монитор. На нем в центре светилось солнце, а вокруг него планеты и спирали. – Мы вот здесь. Вот Земля, а это

наш курс. Марс сейчас находится с другой стороны Солнца, поэтому я проложил курс через север.

– Север? Разве в космосе есть север?

– Конечно нет. Мы так говорим для удобства. То, что на карте наверху, значит на севере, справа, значит на востоке и так далее. Видишь, Венера сейчас на севере. Мы оттолкнемся от нее и долетим до Марса дней за десять. Без «АРКА» на это бы ушло года три, не меньше.

– Ого! – Удивился я. – А что это за спирали?

– А это самое главное. Гравитационные воронки. Вот смотри. Каждая планета излучает гравитацию. Но когда гравитационные волны разных планет встречаются, они закручиваются в воронку, подобно штормам над океаном. Сейчас мы летим на гравитационной волне Земли вот до этой воронки. – Михалыч ткнул пальцем в монитор. – Сейчас наша скорость четыре космических, а когда мы крутанемся в воронке С5З8М2Ю4, то разгонимся до десятой.

– Михалыч, а что означает это С5З8М2Ю4?

– Это название воронки. Как правило в воронке сходятся волны четырех небесных тел. Всегда и везде это – Солнце и Юпитер. Мощь Юпитера настолько велика, что его волны присутствуют даже возле Меркурия, а за Сатурном, они так и вовсе сильнее волн Солнца. Вот и получается Солнце 5, Земля 8, Марс 2, Юпитер 4. Цифры говорят о силе волн небесного тела. Эта воронка кружится между орбитами Марса и Земли. Крутанувшись в ней, мы увеличим скорость и поле-

тим к этой воронке – С6В3З2Ю3. Здесь волны солнца самые сильные. На ней мы разгонимся до десятой космической и выйдем на орбиту Марса. Мы полетим навстречу друг другу и когда Марс будет достаточно близко, «АРКА» перестроится на его волны и начнет затормаживаться.

– Получается «АРКА» может лететь и навстречу волнам?

– Да. Она может плыть, как по течению, так и попрек ему.

Михалыч столько всего мне рассказал, что я даже решил посвятить «АРКА» целую серию блогов. Он оказался очень интересным рассказчиком и говорил об «АРКА» не как о механизме, бездушном двигателе, а как о живом организме, способном чувствовать и даже мыслить.

– А другие корабли? Мы не столкнемся с ними?

– Нет. Конечно нет. – Рассмеялся Михалыч. – «АРКА» общаются между собой. Гравитационные волны очень широки. «АРКА» разводят встречные суда на расстояния в несколько тысяч километров. Так что никаких аварий быть не может.

– Михалыч? А воронки постоянные? – Я уже не просил, я уже требовал ответов, настолько рассказы Михалыча об «АРКА» поглотили меня.

– Нет, Рома. Планеты крутятся и постоянно движутся. Воронки то образуются, то исчезают. Одни растворяются в космической пустоте, другие образовываются в самых непредсказуемых местах. «АРКА» следит за ними. Понимаешь, все системы «АРКА» установленные на всех кораблях, как еди-

ное целое. Мы, например, получаем информацию со всех «АРКА», которые сейчас активны, поэтому мы и знаем обо всех воронках в солнечной системе.

– Первым на пост Мадлена. Далее по списку. – Приказал отец и подлетел ко мне и Михалычу. – Остальным отдыхать.

– Есть, командор. – Ответил Михалыч и подмигнув мне, полетел в свою кабину.

– А мне что делать, пап? – Огорченный отлетом Михалыча протянул я. – Тоже отдыхать?

– Полетели, пообедаем. – Подмигнул мне отец и освободил меня от пут кресла. – Конечно не бабушкина стряпня, но уверяю, тебе наша еда понравится.

Отец легко и плавно полетел в камбуз, ну и я за ним. Камбуз «Велеса» был небольшим, так, как и членов экипажа было немного. Светлая, округлая комната, в центре стоял овальный стол, вокруг которого были прикручены к полу стулья. Отец плюхнулся в один из них и держатели стула тут же ухватились за него. Я приземлился напротив и тоже попал в их цепкие объятия.

– Шеф. Два фирменных пожалуйста.

– Будет исполнено, командор.

Шеф был роботом, бортовым поваром. Он не был каким-то человекоподобным андроидом, это был комплекс с печками, холодильниками, хранилищами и многим другим, так что его голос звучал просто из ниоткуда.

– Пап, а ты сводишь меня в грузовой отсек? – Спросил я,

пока шеф разогревал заказ. – Или в реакторный?

– К сожалению, не смогу. – Ответил отец, но увидев, как я расстроился этим, попытался успокоить меня. – Видишь ли, Рома. Этот шаттл и есть наш корабль. Мы не можем покинуть его. Вход в грузовой отсек возможен только в доке.

– Но как так? – Не унимался я, чувствуя, что отец лукавит. – А если что-то случится?

– Да ничего не случится. – Спокойно ответил отец. – Да и что здесь может случиться.

– Например, метеорит? Если в нас врежется метеорит? Что тогда?

– С этим все просто. Обшивка корабля состоит из двух переборок. Между ними находится пена Ногаты. Слышал о такой? – Отец посмотрел на меня, но я замахал головой. – Ногато, это ученый из Токио. Он разработал пену, которая при соприкосновении с космической радиацией твердеет за считанные секунды. Если метеорит пробьет корабль, то пена Ногаты загерметизирует пробоину. Вот и все.

– С этим понятно. Но может же что-нибудь сломаться.

– Может. – Отец ожидал подобных вопросов и хорошо к ним подготовился. – На корабле много роботов ремонтников. Меж собой мы называем их – Фиксики. «Велес» сканирует сам себя один раз в час. Если какой-то узел выходит из строя, он отправляет туда бригаду фиксиков. Если что-то несложное, то они сами справляются. Если нет, то вызывают бортинженера и тот с их помощью решает проблему.

– Вот засада. – Моему разочарованию не было предела, и я от отчаянья уткнулся лбом в стол.

– Не переживай. Да и нет там ничего интересного. Баки, канистры, контейнеры, насосы, какое-то непонятное оборудование. Так шелуха.

Отец хотел продолжить, но щелкнула микроволновка и два манипулятора свисающие с потолка принесли нам наш заказ.

– Два фирменных, командор.

– Большое спасибо, шеф. – Ответил отец и придвинул к себе коробку. – Налетай. Фирменное от шефа, любимый обед всего экипажа.

Я пододвинул к себе коробку и открыл ее. В ней был ланчбокс на шесть секций. Справа от него лежал шприц. В секциях находилось желе, или что-то очень похожее на него. Ни запаха, ни испарений от еды не было, хотя коробка была горячей.

– Если бы еда была обычной, представляешь, чтобы здесь творилось. На орбитальных станциях полно рабочих, а кто будет чистить камбуз здесь на «Велесе»? – Подмигнул мне отец. Он хитро улыбнулся и показал мне шприц. – Это космические и вилка, и ложка, и нож. Начинай с самого левого бокса. Хлеб, в самом правом, в нижнем вода. Приятного аппетита.

Отец втянул немного прозрачного желе в шприц и выдавив его себе в рот, расплылся в довольной улыбке. Я же ни-

как не решался попробовать стряпню шефа. В голове постоянно вертелись слова бабушки, что вкусной еды в космосе нет. Но я был голоден, да и выбора особого у меня не было. Взяв космическую чудо-вилку, я слегка зачерпнул желе и выдавил его себе в рот. Самую капельку. Я даже зажмурился, предвкушая синтетический вкус еды, ведь когда я был на орбите, мы ели космическую еду из тюбиков. На вкус она была мягко говоря не очень. Но как только желе коснулось моего языка, я почувствовал нечто невообразимое. Это же харчо! Свежее. Натуральное. На говядине. Как я люблю, с чесночком и перчиком. От удовольствия я даже прикусил язык. Отец понял все без слов и улыбнувшись кивнул.

– Еду для пилотов межпланетных космолетов готовят отдельно. Это не тот второсорт, которым пичкают туристов. Нам готовят на отдельном заводе корпорации «Заслон» в Краснодарском крае. Для каждого члена экипажа отдельное меню, по его личному запросу.

Я и был бы рад ответить отцу, но набил себе полный рот космическим супом и лишь кивал, надув щеки. Когда харчо закончился, я ткнул шприцем в следующую секцию. И опять неописуемый восторг. Запеченная на углях картошечка. Да, именно на углях, с дымком. Но она была лишь гарниром, а в следующем боксе желе раскрылось нежными свиными отбивными. На десерт были эклеры. Я только и успевал, что впрыскивать себе в рот новые порции желе, чем сильно смешил отца.

– Как будто только из печки.

– Да, сынок. Мы элита космического флота. О нас заботятся.

– Командир, к посвящению все готово. – Внезапно раздавшийся из динамика голос Мадлены, заставил меня оторваться от кулинарных изысков шефа. – Я ожидаю вас у шлюза. На пост заступил Клаус.

– Посвящение? – Прошептал я, пытаясь сдержать слезы. – Но ты же…

– Да, сынок, посвящение. А тогда я просто пошутил, или ты думал, я лишу тебя этого?

Отец отстегнулся и полетел к шлюзу, я естественно последовал за ним. Манипуляторы тут же начали убирать со стола наши тарелки и остатки еды, так как чистота в космосе основа всех основ. Даже маленькая крошка, или капелька воды могли привести к страшной аварии.

Мадлена, как и обещала, ожидала нас возле шлюза и вид у нее был очень сосредоточенным.

– Сейчас ты войдешь в шлюз. Не бойся. Главное дыши ровно и спокойно. Я буду говорить с тобой. Просто слушай мой голос и все. – Голос Мадлены был спокоен и в то же время очень напряжен. Она одела на меня гермошлем и провела полную диагностику. – Сейчас мы летим на пятой космической, это примерно пятьдесят километров в секунду…

От этой цифры у меня округлились глаза, и я на мгновение забыл, как дышать.

– Не переживай. Все будет хорошо. В шлюзе ты прикрепишь себя тросом, он выдержит и не такое напряжение. Но даже если он и порвется, тебя спасут. Костюм введет тебя в медицинскую комму и понизит температуру тела до тридцати градусов. У нас и спасателей будет целый месяц, чтобы найти тебя.

Я почувствовал, как затрясся и начал покрываться потом.

– Войдя в шлюз, пристегнись. Затем возьми космоборд со стены и встань на него. Ты все понял?

Я не смог ответить, так как горло пересохло и просто кивнул. Отец посмотрел на мои биометрические показатели и похлопал меня по плечу.

– Все нормально, бывает и хуже.

Он пару раз ударил меня по гермошлему, заставляя вернуться в реальность и открыл шлюз. Я вошел в него и дверь за мной тут же закрылась. Сердце колотилось как бешенное. Я сейчас выйду в открытый космос. Но не просто космос, а в космос далекий и прекрасный. Пристегнувшись, я встал на космоборд и меня захватили его магнитные захваты.

– Готов? – Услышал я голос Мадлены в наушниках и показал ей большой палец. – Открыть шлюз.

Загорелась красная лампочка и через мгновение меня вынесло из него, как ядро из пушки. Через долю секунды трос натянулся как струна, но я ничего не почувствовал. Все перегрузки принял на себя электромагнитный гель костюма. Я понял, что остановился только тогда, когда перестали мель-

кать обтекатели «Велеса». Я летел на огромной скорости, но мне казалось, что я вишу неподвижно. Скорость в космосе абсолютно не чувствовалась, и я начал потихоньку приходить в себя.

– Включай борд и позабавься от души. – Прозвучал голос Мадлены. – Скоро отец присоединится к тебе.

Я щелкнул тумблером, и воздуходувы на доске начали гонять меня на тросу будто по волнам. Первое время я метался как муха, привязанная к нитке, но вскоре приловчился и начал наслаждаться. Я, то приближался к «Велесу», то удалялся от него. Исполняя пируэты и сальто, я даже не заметил, как рядом появился отец.

– Ну, как тебе серфинг в открытом космосе?

– Супер, пап. Большое тебе спасибо.

– Это еще не все. Лети за мной.

Отец направился к «АРКА» и я почувствовал, как мой трос начал растягиваться. Мы облетели «АРКА» с правого борта, затем с левого. Вблизи она была еще прекрасней. И действительно «АРКА» выглядела как мачты корабля, но без парусов. Огромные, раскидистые кресты, вселяющие уверенность и умиротворенность. Насладившись величием ее мачт, мы подлетели к «АРКА» вплотную.

– Дотронься до нее. – прошептал отец и слегка подтолкнул меня к мачте. – Давай же, не бойся.

Я вытянул руку и как только коснулся ее, антенна заискрилась и начала переливаться.

– Это сияние «АРКА». Она поляризуется от гравитационных волн и когда ее что-то касается, она начинает светиться подобно северному сиянию.

Это было нечто неземное и даже божественное. «АРКА» отвечала всполохами, на каждое мое прикосновение. Мне даже показалось, что я слышал музыку. Вы только представьте, как прекрасны были эти небесно-голубые всполохи в кромешной космической мгле. У меня нет слов, чтобы передать всю бурю эмоций, которые я испытывал, глядя на них. Она не просто сияла она действительно пела и танцевала и это было поистине самым восхитительным из всего, что я видел в жизни. Вспыхивая от моего прикосновения, огонек пролетал по всей мачте, а иногда даже возвращался обратно и заставлял сиять и мой скафандр тоже. Только увидев сияние «АРКА», я понял, почему Михалыч так тепло говорил о ней и почему он считал ее живой.

Отец позволил мне поиграть с «АРКА» так долго, как я того желал и только когда ему показалось, что мне немного наскучила эта игра, мы вернулись в шлюз.

– Это и было посвящение? – Спросил я у Мадлены, когда она сняла с меня гермошлем.

– Не совсем. – Отложив шлем, она вошла в шлюз и отстегнула от троса мой карабин. – Он очень холодный, это чувствуется даже на расстоянии. Настолько холодный, что может обжечь. Если ты готов пройти посвящение, то давай свою шею и побыстрей, он очень быстро остывает.

Мадлена держала карабин щипцами. Я повернул голову влево, обнажил шею и приподняв ее к Мадлене, зажмурился. Отец пшикнул мне чем-то теплым и нежным, таким отчего весь мой страх тут же улетучился.

– Это болеутоляющее. – Ответил он на мой немой вопрос. – Готов?

Я кивнул и Мадлена прислонила карабин к моей шее. На карабине был герб «Велеса» и теперь он красовался и на моей шее. Посвящение было закончено.

– Возьми их. – Отец протянул мне карабин и спрей. – Карабин теперь твой, на память. А спрей для шеи. Как только начнет болеть, пшикни разок и все пройдет.

Я был на седьмом небе от счастья и бросился на шею отцу. Я был, наверное, самым юным посвященным стажером-пилотом. Теперь мне было чем похвастаться перед друзьями и девочками и о чем рассказать в своем блоге…

Дальнейший полет на Марс был без сюрпризов. Крутанувшись через две воронки, как и говорил Михалыч, мы прилетели на Марс. На нем был учрежден карантин и поэтому сойти на планету мне так и не удалось. Пока нас разгружали и загружали, весь экипаж находился в шаттле и скучал.

Обратная дорога тоже была без сюрпризов. Выйти еще раз в космос, мне не разрешили. Баловство особо не приветствовалось, да и для посвящения одного раза было достаточно. Но все же эмоции переполняли меня. Всего за две недели я слетал на Марс и вернулся обратно. Вот это я понимаю на-

стоящие космические каникулы…